11.11.98

Вознесенский Андрей

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

ЖУТКИЙ КРАЙЗИС

Разговор с поэтом на фоне его новой поэмы

Сегодня вечером в Концертном зале имени Чайковского Андрей Вознесенский проводит благотворительный вечер поэзии в поддержку безработных российских журналистов. Впервые там прозвучат и отрывки из новой поэмы — рок-оперы "Жуткий Крайзис Супер Стар".

— Андрей Андреевич, неужели денежная эмиссия, финансовый, экономический кризис стали темой для поэзии?

— Абсолютно нет. Эмиссия, кстати, в окружении русской речи становится очень красивым словом.

Эмиссия листопада.
Не выехать, не пройти.
Эмиссия аристократов —
по курсу один к пяти.

Эмиссия повсеместна —
притормози машины!
Эмиссия пессимизма,
эмиссия матерщины.

Шурша листопадом мыслей
с Пречистенки до Охотного,
российская журналистика,
идешь со мной, безработная!

Ты Осипа строчку пела.
Шел ощип прессы крутой.
Талантливейшие перья
носятся над страной.

Им отпуск не обналичили.
Да пропади все пропадом!
Российская журналистика —
безработна, но не безропотна.

Падают кроны. Женщины
падают. Жжет цена.
Иванушка International,
как крик, летит из окна.

Гуляй же, черная мода,
обтянута вроде ласт,
безработная наша свобода,
четвертая наша власть!

И новая музыка штопором
закручивает бульвар.
Мы все герои рок-оперы
"Жуткий Крайзис Супер Стар".

В данном случае финансовый кризис — только метафора. О девальвации нашей жизни, о ее необеспеченности идеалом идет разговор. Все у нас девальвируется, стандартизируется, разбухает и распухает — это есть эмиссия.

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Идет эмиссия мыслей.
Поющая мисс Эмиссия
снимает комиссионные с эмиссии попсы.
Шуршит под ногой опущенная
эмиссия компромиссов.
В козлах, что хрустят капустой,—
эмиссия пустоты.
Свобода по фене ботает. Мы можем ей поделиться.
Эмиссионер свободы,
красиво шмальнет с винта.
Любая модель бездарна
без дали идеализма.
Мы — новые безработные.
Внутри у нас пустота.
Эмиссия демонстраций.
Филиппики горемычные.
Особняки кирпичные краснеют
из-за оград.
Российская журналистика
сильней Настасьи Филипповны,
не пачки купюры липовой —
журналы ее горят!
Станки печатные заняты.
Задача литературы:
в пустых стихах и романах
абсорбировать пустоту.
Стоят золотые заморозки.
Слетают с осин алтушки.
Запойному графоману,
мне пишется в пору ту.
Мой край, где Нуреев лунный
метал перед нами бисер,
где пулю себе заказывал
георгиевский соловей,
неужто ты не мессия,
как Андрей Белый мыслил,
неужто, Россия, станешь
эмиссией нулей?!

— Вас волнует, похоже, девальвация не только российской жизни, но и американской? В поэме присутствует прокурор Кеннет Старр и даже платье Моники.

— Безусловно, это общий процесс, сейчас история Клинтона с Левински стала знаком и российской жизни. Все об этом говорят.

Да, я пишу восторженно о журналистах, но одновременно я, может быть, один из тех людей, которые сами — мишень для желтых вымыслов, с веселым удивлением вижу, как сам я становлюсь их мифом.

— Недавно я прочитала в одном журнале некие мемуары. Их автор, как написано на обложке, так и не стала женой Магомаева, но была почти женой Довлатова. Там же — красочное описание ваших любовных побед: якобы поэт Андрей Вознесенский прямо на сцене

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

ЖУТКИЙ КРАЙЗИС

театра в Дубултах имел любовный акт с одной актрисой...

— Мне попадался этот журнал "Караван истории". Бред какой-то! Девичьи порно-грезы озабоченной мемуаристки. А стиль! "Процесс соития имел место на сцене". Стиль — это человек... Ну хотя бы выдумывала талантливо, как тот же Довлатов! Его вымыслы по-гоголевски сочны. Я люблю их перечитывать. Например, будто я, голый, как Рэмбо, обтираюсь снегом... И доверчивые пермяки, приглашая меня, говорят: "Ну, вы же любите обтираться снегом — ждем вас в декабре"...

Ну, что говорить о мемуаристке — у бедной девушки крыша поехала после истории с Клинтоном. Сейчас у нас нет границ информационных и прочих — все проникает. А этот Старр, вероятно, просто больной человек. Ведь парадокс, согласитесь: он затратил 40 миллионов долларов государственных денег, чтобы скомпрометировать президента. Но подробности личной жизни Клинтона — это проблемы его и Хиллари. А как раскрутили это дело! Да наш любой чиновник после такого попал бы в сумасшедший дом. Банную историю экс-министра Ковалева, например, так не раскручивали — он спрятался где-то и сидит.

— А что у нас вообще происходит, вы понимаете? В стране, со страной, с нами...

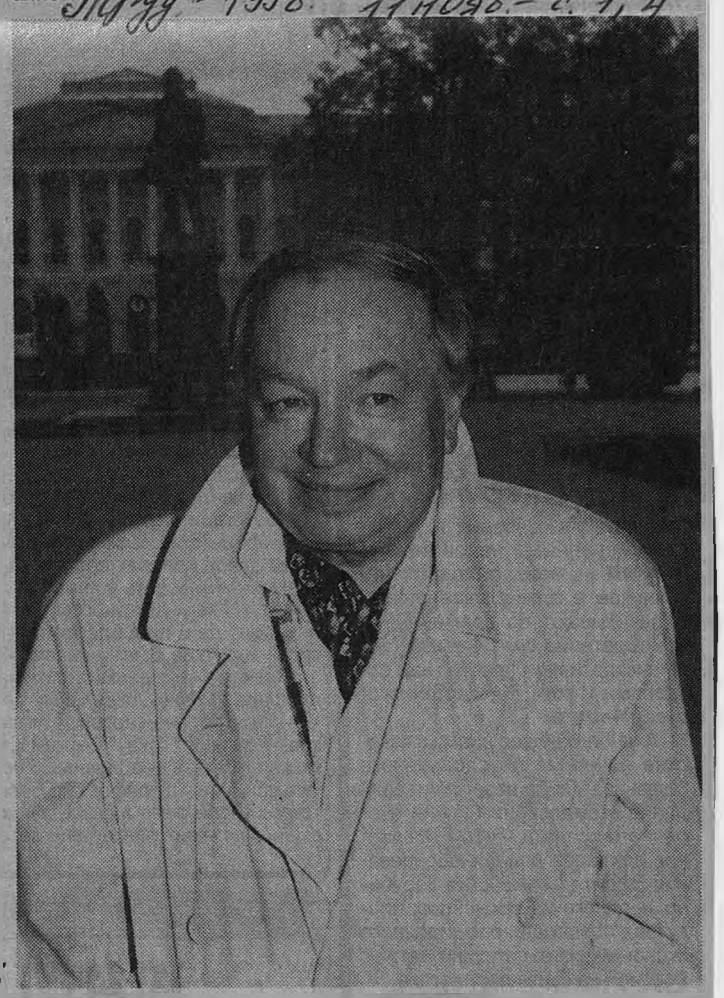
— Когда писал эту поэму, [illegible] евые страны — Бразилия, Китай, другие — выходят в первые ряды. Сегодня мы в дыре, а потом вылезем. Ведь если считать, что через десять лет — "кранты", то зачем жить-то? Неинтересно и не нужно. Наверное, свет будет, но не в конце тоннеля, а дальше.

— И каким вам представляется наше будущее?

— В шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых годах будущее казалось радужным. Потому что кончались войны, умирали тираны и так далее. И вдруг к концу века вылезла вся эта нечисть. Мне кажется, что в следующем веке критическая точка — 2005 год, когда все спрессуется окончательно и если мы не погибнем, то все гармонизируется. Есть такие западные расчеты.

Идет исторический процесс, которым дирижируем не мы. Мы можем понимать его, помогать или мешать этому процессу. И я думаю, что нам в России нужен руководитель — абсолютный прагматик и одновременно идеалист.

Труд — 1998. — 11 нояб. — с. 1, 4



— Скажите, Андрей Андреевич, почему свой благотворительный вечер вы проводите в поддержку журналистов, которым, конечно же, трудно сегодня, но все же не так, как, скажем, пенсионерам, актерам, шахтерам, наконец?

— Я вижу, что без работы остались многие журналисты, ими никто не занимается, всем наплевать, и государству — тем более. По-моему, даже рады, что четвертой власти не будет. А мы ведь больше-то ничего положительного не сделали. Все разрушено, искорежено. Единственное достижение — свобода слова, прессы. А сейчас закрываются газеты, журналистов выбрасывают на улицу. Можно сколько угодно иронизировать, но у нас сейчас самая свободная пресса в мире. Потому что коммерческая цензура еще не пришла окончательно. Вот сейчас идет. Поэтому я считаю, что надо сегодня крикнуть об этом. Конечно, мой скромный гонорар от благотворительного концерта не больно поможет журналистам, но пусть люди знают про это. Ничего другого светлого у нас нет. И все сейчас будет ухудшаться и ухудшаться до 2005 года.

— Кажется, хуже некуда.

— Во-первых, есть куда. И потом, будет не буквально ухудшение, а спрессование информации, событий... Как говорил астрофизик Козырев, время имеет тяжесть, вес, напряжение. Сей-

Выйдешь летом — ну что за look!
Как растет в цене многократно
росный ландышевый луг,
не разменянный на караты!

Выпал снег. Горше пик картежных
скачут женщины, как грачи,
чтоб невырытые картошки
откопать, сохранив гроши.

Смотрит в русском долготерпенье
череда ракит на лугу.
Перед ними в долгу теперь я?!
Что за чушь! Но заснуть не смогу —

снится ландышевый мне лоб
бабки в стираном сарафане —
не имея денег на гроб,
Похоронена в целлофане.

Не люблю жаловаться, живу нормально, езжу, выходят мои книги и... пишется. Но вокруг взгляну — сердце обрывается. После летнего московского урагана я пошел на Новодевичье кладбище — там мои родители похоронены. Когда увидел все эти могилы, упавшие с храма кресты, после этого мне стали являться всякие инфернальные и просто физически крыша поехала немного. Я не мог спать месяца полтора. Потом написал поэму "Гуру-ураган".

— Грустный у нас какой-то разговор получается, а поэма ваша "Жуткий Крайзис" вовсе и не кажется безысходной. Наоборот, там много веселого, ироничного, ехидного даже.

— С одной стороны, трагизм ситуации, а с другой — надо выживать. Значит, нужна ирония, чего хныкать. Прорвемся!

Все ничего — успокойся.
Не нагружай чело.
В мире, летящем косо,
все ничего.

Перед твоей любовью
все — ничего.
Видишь, за изголовьем
очень черно.

Ангел хихикнет гаденько.
Молимся за него.
Что нам деньга-деньга-деньга?
Все ничего.

Все на рубашке вишни —
все ничего,
все обещанья Всевышнего —
все ничего.

Корчи Держав в геенне,
чмокающиеся чмо.
Перед Твоим мгновеньем
все — ничего.

[illegible]

[illegible] ориты форум телевидения России

[illegible]: каждую осень
[illegible] уродкой нашей
[illegible] России
[illegible]стиние
[illegible]бы показать
[illegible], обменяться
[illegible]ия регионального

[illegible]ось снести праздник регионального ТВ. И сегодня сомнеть Аз-рофота — еще одного давнего партнера фон-да — доставят в Сочи

Шевчукого (он возглавляет оргкомитет «Лазурной звезды»), Эдуарда Сагаляева (он стал председателем жюри), а также Николая Дроздова, Ирину Лесневскую, Василия Лескова, Александра Акопова и других известных бомов тележурналистики.

— Программа телефонрама расписана буквально по минутам, — сказала нам директор по [illegible]

[illegible] Вознесенский [illegible] «фирменным» секретарем, Евгением Гинзбургом рассказет об «Истории «смешного» телевидения в несмешное время», представителем Всемирного фонда дикой природы обобщат уникальный творческий опыт недавно ушедшего от нас мастера научно-популярного кино Александра Згурди. Ну а ведущие свободные часы участников и гостей телефорума оживает изысканная культурная программа с участием Дома моды Татьяны Вилсилевой, барда и художника Евгения Бачурина, композитора Эдуарда Ханка. Так что скучать нико-